

Марина Леванте

**ПОЛИТИКАНИАДА,
ПО ЛИНИИ АДА**

Марина Леванте

Политиканиада, по линии ада

«Издательские решения»

Леванте М.

Политиканиада, по линии ада / М. Леванте —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838321-2

В своей книге писатель-публицист Марина Леванте обрисовала ряд малоизвестных, но крайне политически озабоченных персонажей из российской политики, из которых, как из кирпичиков строится общее здание власти и её понимание. Эти мелкие персонажи, мнящие себя в будущем великими вершителями судеб России слепо повторяют действующую власть. Она сумело тонко высмеять чаяния аферистов-политтехнологов, так называемых российских соотечественников из стран бывшего СССР, кандидатов в депутаты Госдумы...

ISBN 978-5-44-838321-2

© Леванте М.
© Издательские решения

Содержание

Политиканиада	6
Марина Леванте	7
Эпиграф	8
Художественное вступление	9
Разорённое воронье гнездо	9
Пчёлка Ося	15
Маньяк	23
Незаконченный половой акт	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Политиканиада, по линии ада

Марина Леванте

Редактор Александра Викторовна Турчанинова

© Марина Леванте, 2017

ISBN 978-5-4483-8321-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Политиканиада

по линии ада

Марина Леванте

Редактор-составитель А.В.Турчанинова

Если, кто-то случайно узнал себя в каком-нибудь герое повести или рассказа из этого сборника, то, скажу сразу, он сильно ошибся, таких героев в жизни очень и очень много, просто вы ещё сами с ними не успели познакомиться... Зато теперь появилась такая возможность, прочитав эту книгу.

Эпиграф

Нынешние бездарные правители России своими действиями вернули народ в фонзиновский 19-й век, сделав из людей гоголевских дураков. При том, что советский строй, какими бы издержками не обладал, выкорчёвывая умы, уничтожая будущие достижения, дал всё же всем равные возможности в развитии. Теперь же всех вновь загнали по самые плечи в средневековую темень, где только просвещённость давала свет, горя ярким пламенем на европейских еретических кострах...

Художественное вступление

Разорённое воронье гнездо

Было дело, свила ворона по молодости себе гнездо, зацепилась жёлтыми чешуйчатыми когтями за сучки и ветки, из которых его соорудила, и расселась в нём основательно, и как ей показалось тогда, навсегда, громко прокаркав об этом на весь лес, оповестив всех соседей – птиц и млекопитающих, всех тех, кто населял рощи и ближайшие лесополосы.

Была она, эта ворона тогда очень юна, с красивым лоснящимся оперением чёрного цвета... Круглые глаза-пуговицы на выкате блестели молодостью и задором, это потом уже моложавостью, а сейчас, полная надежд и чаяний ворона мечтала о семье, о жене и детях, в окружении которых она собиралась провести всю свою жизнь. Ведь не зря же она построила себе это замечательное гнездо, о чём и не замедлила прокаркать каждому встречному-поперечному – ёжику и белочке, птичке – синичке и мудрому филину, пробегающему мимо волку и лисе, что случайно оказались в непосредственной близости от неё.

В общем, всё оно так и случилось, обзавелась ворона женой, такой же чёрненькой востроглазой птицей-самочкой и двумя желторотыми птенцами, мальчиком и девочкой, которые грозили вырасти в точное подобие самой всё без устали каркающей вороны, и жизнь потекла своим чередом.

Ворона целыми днями сидела на ветке у своего выстроенного жилища, и всё каркала и каркала, вещая на разные темы, но в основном о том, кому в их лиственном царстве жить хорошо, а кому всё же плохо. О том, что самый богатый, а значит, и самый счастливый на весь их лесной массив, конечно же, лев, но это и понятно, он же царь зверей, и был им всегда, и во все времена. Его избрали на этот пост мелкие зверушки, которых было в достаточном количестве в этой епархии, гораздо больше, чем тех, кто называл себя придворным кабинетом его королевского величества. И были звери, в общем-то, довольны своим выбором. Лев тщательно следил за порядком в своём царстве, чтобы всё было, как положено, выживал сильнейший, но при этом сохранялся так необходимый природный баланс, и рождались новые львята и волчата, и галчата с воронятами, чтобы не иссякали запасы пищи для первых, но и вторые, чтобы плодились, короче, чтобы жизнь в этом лесу была ключом, а его жители были всем довольны...

И так оно и было. Так оно всё и происходило. Все и всем были довольны, кто меньше, кто больше, но от голода никто не умирал и от болезней тоже. Кто-то и сам размножался, и своё богатство приумножал, строя новые гнёзда и роя новые норы в расчёте на лучшее будущее, учитывая, что и сам лес, где проживали все эти звери и птицы, тоже разрастался, корнями всё больше уходя в ту землю, на которой росли мелкие и крупные кустарники, могучие дубы, становившиеся вековыми для этой плодородной почвы, берёзовые и осиновые рошницы с более мелким кустарником и вереском...

Одна только ворона, что по молодости свила себе гнездо среди всего этого царства зверей и птиц, всё была недовольна, и всё каркала и каркала про то, кому же на самом деле жить хорошо, будучи сытой и хорошо упакованной. Ей везло больше других, она чаще других обитателей этого леса имела возможность взгромоздиться на мохнатую сине-зелёную ветку

огромной сосны, увешанную гроздьями коричневатых шишек, пищей для клестов и других мелких и средних птиц, держа во рту огромный кусок голландского сыра, а не того, что можно было раздобыть в местной епархии. Этот кусочек всегда выглядел очень аппетитным, весь такой дырчатый, словно соты с пчелиным мёдом и такого же янтарно-жёлтого цвета, и с него, казалось, стекали даже капельки белёсого жира, что застывали и зависали на вороньем клюве. Но никогда, ни разу, эта ушлая каркающая птица, что вороватым, бегающим взглядом осматривала окрестности сверху, не выпустила изо рта вожделенную, с такой лёгкостью доставшуюся ей пищу насущную. Сколько лиса не просила, сколько не умоляла, прокаркать ей на ухо про то, как жить, кому хорошо, а кому всё ж таки плохо, ворона знала своё место, сидела на ветке и всё тут, крепко стиснув клюв, в котором зажала свою добычу иностранного происхождения. Просто она давно уже проложила себе вовсе не терновый путь, а прямую дорогу, вымощенную добрыми пожеланиями и непосредственно в рай, а не в ад, как оно бывает по обычаю, далеко за пределы их родного царства, куда она украдкой и летала за тем сыром, что назывался «голландским», и которым не желала она делиться не только с лисой. Но зато каркать ей никто не запрещал, чем она и пользовалась, всё, подстрекая обитателей этого разросшегося, плодоносящего леса, к свержению царя зверей льва.

Зачем она это делала, никто не понимал, ведь она же, вроде собиралась провести в своём гнезде всю свою жизнь, и жизнь у неё была вообще-то, почти, что тот белый сахар, приправленный жёлтым сыром, приготовленным из молока настоящей коровы или овцы.

А не понимал её никто ещё и потому, что звери не привыкли гадить на своей территории, и своих народившихся щенков волков и лисиц, как и птиц и синиц приучали с детства не справлять свою нужду прямо в гнезде или в норе. Им там предстояло расти и может быть, учить и своё потомство всем премудростям жизни, тоже не покидая родного логова, что пахло родительским теплом и уютом, напоминающем о тех, кого уже не было в живых, но разорять собственное, пусть и чуть изношенное гнездо никто из них даже не собирался. Его можно было подремонтировать, как и навести периодически нарушаемый карканьем вороны баланс в лесу.

Но находились же у этой чернопёрой бестии молодые слушатели, юные и не опытные, как и она сама в молодости, которым она не успела ещё надоесть своим заунывным и однообразным карканьем... Ибо многим казалось, будто она, всё так же, сидя в середине своего старого уже начинающего разваливаться гнезда, одну и ту же макаронину со вкусом намазывает на одну и ту же ржавую вилку, доставая её, словно фокусник, из одной и той же кастрюли с уже давно остывшей водой. И эти звери проходили мимо той сосны, на которую взгромоздилась очень давно эта птица, даже лиса, пробегая каждый раз мимо, не останавливалась внизу ни на минуту, она знала все басни стареющей вороны наизусть и про тот сыр, что был, конечно же, вкуснее их местного тоже.

А тем временем лев – царь зверей и придворный кабинет его королевства тоже не молодец и стал допускать ошибки в своём правлении. И вот тут-то ворона, на которую давно все махнули лапой и крыльями и даже не замечали, ни то, что не слушали, и воспряла почти из забвения...

Она стала собирать стаи птиц, устраивать собрания среди зверей, уповая в основном, на тот неоперившийся ещё желторотый молодняк, что являлся её единственным электоратом, которому всё пыталась внушить, насколько вкус её любимого голландского сыра лучше и ароматнее, чем родное, посеянное зерно на своих полях и равнинах, которые уже начинали

вытаптывать те, незнакомые звери, что проживали в долине, куда вечно навевывалась недовольная своей жизнью, а больше всенародной, ворона. Там её подзуживали, пели хвалебные оды прямо в её развесистые, словно родимая плакучая ива, уши, которые сладострастно внимали всему тому, что в них неслось на каком-то малопонятном щебетанье.

Но, как напакостить, ворона всегда понимала, и потому эти речи от незнакомцев, были для неё музыкой, ставшей позже хитами в исполнении уже тех, кто только что находился рядом, но не знал даже, что за их лесом находится другой – дремучий, непроходимый лесопарк, в котором с лёгкостью можно было затеряться, не зная наизусть все тропинки и выложенные зверями совсем иных пород, дорожки.

Да, те животные и птицы, что обитали в том дремучем парке, и жили по своим правилам и порядкам. И правил ими совсем другой царь, лев белого окраса, альбинос, и видел потому он совсем по-другому всё своё мироустройство. У него, как и у всех диких кошачьих, что появлялись на свет не полосатыми или жёлто-коричневыми, были проблемы с глазами. Этим всё и обуславливалось. Видение происходящего в ином спектральном аспекте, потому и жизнь в одной полосе проживания сильно отличалась от той, в которой всё обитала недовольная и всё каркающая ворона. Но звери, которые ходили под началом альбиноса и те, что были под покровительством льва-царя зверей обычного цвета, всем были довольны, тем более, что мало кто воровал сыры в дырочку у другого, а потом, усевшись на самой верхней ветке своего любимого дерева, на случай, если несогласные с ним, достанут его, как та птица в чёрном, но уже линялом оперение, что всё хвастливо карканила оттуда, как же душка он хорош и как хорош тот, кто его выращивает, выдерживает и производит. Что означало, что хоть ей и так хорошо, потому что только ей достался столь лакомый кусочек, неведомого для остальных вкуса, но всё же, она – такая жалостливая, такая сочувствующая птичка, эта милая симпатичненькая Каркушенька, почему только с глазами, словно у кота, в часах с маятником, которые бегают туда-сюда, туда-сюда, что обеспокоена тем, чтобы и все остальные её знакомые пернатые и мохнатые могли наслаждаться тем, что имеет она в своём клюве уже сейчас.

В общем, ни на жизнь, а на смерть схлестнулось мировоззрение зверей и птиц из одного леса, у которых не было такого сыра, с другим, у которого был не только этот рекламируемый вороной дырчатый продукт 45-процентной жирности.

Будто тучи чёрного голодного воронья, перья из которых летели в разные стороны, налетели сытые всё ж инородцы на бедствующее население берёзовых и осиновых рощ с мелким вереском, громко гогоча, и, не стесняясь, стали предлагать всё то, что у них было, совсем позабыв святую истину, что то, что хорошо одному, может запросто оказаться плохим и непонятным для другого.

Как, собственно, оно и вышло, уже после того, как ворона, что свила себе в молодости гнездо, уселась на край почти голой без хвои ветки и знакомо закаркала о том как же и кому плохо жить, но почему-то там, то есть уже здесь, куда она всех только что манила и зазывала, изображая из себя живую рекламу, ворону из басни Крылова, про сыр, который та выронила, гаркнув во всё своё воронье горло...

Но в реальной жизни всё выходило совсем не как в написанной басне, и чёрноперьевая птица вовсе не собиралась наивно открывать рот и отдавать свой рекламируемый продукт лисе, что расположилась в ожидании под деревом. Она же просто служила указующим перстом к светлому будущему для тех, кто и так был счастлив своей, не чужой жизнью.

Но теперь у всех зверей и птиц была одна, почти общая судьба, означающая, что борьба за выживание усугубилась в разы, став основным приоритетом в стиле их существования... Всё было аналогично-похожим до боли в обоих глазах. Пернатые и мохнатые здесь, почти не отличались от зубастых и хвостатых там. Наступило не то, чтобы некое равновесие, а больше однообразие видов, от чего, нельзя было сказать, будто все сразу стали одинаково и безмерно счастливы, что предрекала Каркушенька и её сподвижники...

Но, тем не менее, что случилось, то случилось, светло-зелёные ивы ещё больше согнулись над дребезжащей гладью водной поверхности и горько заплакали, оплакивая утраченное былое. Как и звери и птицы, правитель которых теперь сменился, а как могло быть иначе, старый лев, став, наконец, совершенно беспомощным, умер, а молодой занял его трон, не все поголовно радовались произошедшим переменам. Но так бывало всегда, когда на смену прежнему, изношенному, приходило, что-то новое, современное, которое приносило иную струю в свою политику управления.

А ведь новое, не означает всегда хорошее, как и старое, не значит только плохое. Тем не менее, жизнь опять потекла своим чередом. И, если для многих она стала неприятным сюрпризом, то для вороны всё оставалось без изменений. Она так и сидела на своём дереве, всё так же открывала свой клюв, в котором, правда не было того заманчивого жёлтого кусочка сыра. Из её рта неслись теперь старые речи на новый лад. Она же не только повзрослела, но и поумнела, набралась всяческих знаний, перелетая с ветки на ветку и заглядывая к своим пернатым собратьям в дупла.

И потому, если кто-то не успел хвататься того же, что и она, то ему не понятны были все новомодные изречения вороны. В основном она бодро сыпала терминологией, позаимствованной ею у великих филина и совы, типа: неолиберализм, против которого она, ворона, ставшая очень умной, теперь усиленно каркала, призывая, путём левого поворота, отказаться от него, от неолиберальной политики правления... Потом – симулякры, и о том, что новый лев, сменивший старого, и его новый кабинет обновлённого лесного королевства симулирует эти симулякры, и имитирует их... Короче, словеса от великих, это был теперь тот объезженный и заезженный до смерти конь, что не испортит паханой борозды, на котором гордо восседала ворона-Каркала.

Хотя, иногда она апеллировала не только к покойникам, давно умершим филину и сове, но и громогласно цитировала желторотых неоперившихся ещё птенцов, которых набрала в свою командную стаю... Правда, желающих пополнить ряды эдаких умников оказалось всего три экземпляра из раздела орнитологии, которые, как и их мудрый наставник, щебетали не вест о чём... Но клювы их регулярно открывались, они не забывали каждый раз в своих речах знатно, высунув свой узенький розовый птичий язычок, уже напомнив при этом больше василиска, подтереть тот зад, из которого торчал только остаток пуха, так поизносились и постарела Каркала.

Но такие изменения произошли с этой много говорящей птицей не только сзади.

Она напоминала теперь такую ворону, которая в молодости свила себе гнездо, уселась в него и закаркала...

И вот, всё каркает и каркает она, а жизнь тем временем, всё идёт и идёт. Её давно уже никто не слушает, потому что надоело всем одно и то же кар, да кар слышать из её уст, гнездо давно превратилось в разорённый поломанный сарай, а она этого даже не замечает и думает, что у неё всё по-прежнему хорошо, как в молодые годы, будто только свила гнездо, а там, на самом деле, уже ни жены, ни детей, и сама ворона одна, но упорно каркает на весь свет, как всё хорошо и замечательно.

Вот у неё уже и у самой перья повывлетали из хвоста, от которого только гнилая верёвочка осталась, вяло смотрящая вниз, и тот самый упомянутый пух, торчащий из её маленькой компактной задницы, и из туловища тоже. И больше она уже смотрится, как общипанный петух, и причём, давно, приготовленный для отправки в суп. Но она и этого не видит, потому что всё так и занята своим неизменным карканьем... Вот уже скоро и гнездо не понадобится, потому что её жизнь закончится, а она тем временем готова каркать даже на том свете, думая, что за все свои делишки в раю окажется, а там, уже обкаркает и господу бога, и его служителей, но, как ей кажется, даже у бога под крылом ей воздастся, всех карканьем своим она очарует, будто соловей, дождавшийся лета... Не абы, что...

И всё ж таки, как ни крути, но ворона и её гнездо однажды просто поменялись местами, совершив почти шахматную рокировку.

Некогда блестящее оперенье на голове птицы, сильно потускнело, и порою напоминало такой козырёк над чьим-то дуплом, а иногда, в зависимости от того, в каком направлении смотрела ворона Каркала, место, откуда подло повывлезал весь пух, не только перья, выглядело, как выбритая макушка у человеческого монаха, называемое тонзурой, на которую полагалось надевать ермолку или кипу. А на самом деле на макушке у вороны давно нарисовалась банальная плешь, которую она не в состоянии была скрыть, и вот она то и напоминала теперь то самое построенное ею самой гнездо, но будто разорённое противниками. Ну, или прогалину, когда Каркала не высыпалась и, торопясь, подхватив свой чемоданчик с написанными на кленовых листочках речами, не успевала крыльями пригладить остатки волос на своей голове, а вокруг лесной опушки-тонзуры шумел знакомый камыш, как пелось в старой песне, и росла плакучая ива, которая в этой ситуации рыдать явно не собиралась.

Казалось, что смысл жизни этой вороны заключался лишь в построении всегда разорённого гнезда. А потом, в сборе соратников по уму – птиц и зверей, что являли собой одну и ту же публику, одних и тех же зрителей, при неизменных ораторах, и таких же темах разговоров. А в принципе, занудно исполняющих одно и то же «па» джиги, не сходя с места и вытанцовывая его, будто месили асфальт одним сапогом, без набойки, протёртом, разумеется, до дыр...

Их мудрёные темы, снабжённые упомянутой уже терминологией, на самом деле означали всего лишь, что предводитель командной стаи ворона опять не довольна существующей жизнью в лесополосе, опять она ратует за лучшие условия для птиц и зверей, как и раньше, только соблазнять, вот, больше их нечем. Сыр, такой же душистый и в дырочку, что она раньше бесстыдно держала в своём клюве, мог быть теперь у каждого, во всяком случае, в их лесу он не был теперь какой-то диковинкой. Но вот тот самый неолиберализм вместе с симулирующими симулякрами означал лишь одно, что всё, что раньше было всезвериным и всептичьим, то есть весь лес и его богатства природные, стало принадлежать одному львучарю зверей и его придворному кабинету его королевства. Как и то, что обратной дорожки, а тем более, левой, как предлагала старая, почти полностью выжившая из ума ворона, мани-

пулирующая мыслями от великого филина и уважаемой совы, но только не своими, уже не было. Пути, которые для кого-то всё же оказались терновыми, и мосты сожгли за собой такие вот вороны, которые никогда не будут ничем существующим довольны. Натура у них такая, диссидентская, как говорят люди. Строить и жить в заранее разорённом гнезде, и каркать на весь мир, как и кому жить хорошо...

А хорошо ли так поступать, разорять и гадить в собственном жилище? Ведь нормальные звери и птицы всегда приучают своих детёнышей прибираться у себя и за собой. И всё бы так и происходило, если бы чёрное воронье порою не сбивало с толку желторотый молодняк, держа во рту кусок сыра, но заранее даже не собираясь им делиться...

Если бы все это знали, что делёж не предполагался изначально... Просто хотелось в очередной раз, следуя качествам своей природы, разорить собственное гнездо. А средства в таких случаях, как правила, не бывают хороши. Да и не надо забывать, кто много каркает, тот мало, что делает, то есть ему не до выполнения накарканных идей, потому что они изначально были простым пустобрехством, тем самым наматыванием одной и той же макароны на ржавую уже вилку или исполнением одного и того же «па» в затёртом до дыр сапоге... Вот и всё...

Пчёлка Ося

Как, ведут себя пчёлы в своей естественной среде обитания хорошо известно, и сколько пользы приносят они не только той среде, а и человеку, тоже хорошо все знают, как и в курсе, что он, человек без пчёл и без их мёда, если что, ну, никуда, настолько эти насекомые значимы оказались для всех нас.

Вот, и Эйнштейн, великий учёный, что сказал про них и про нас...? Он сказал, или даже хуже, предсказал, что «нет пчел – нет опыления – нет еды – нет человека»...

И человек задумался...

Потому что до того уже успел опылить многие растения своими умелыми руками, не пчелиными хоботками, а в руках у него было ни что иное, как набор отравляющих веществ, называемых хитро так, пестицидами и разными другими наименованиями. Но, как ни называй, сути это не изменило, что значит, погибло много из того, что было в природе и на что клала своё жало пчела и не только она, потому что опылением занимаются ещё и мухи, и птицы, и такой пчёл, названный шмелём, правда толку от него, почти столько же, как от того козла, что с молоком, ибо мёда он приносит в разы меньше чем известная всем нам пчела, но и участвуют в процессе опыления даже, летучие мыши, и просто сильный или слабый ветер...

Но, как известно, в былые времена без привычных опылителей, то есть без пчелиных семей прекрасно обходилась, к примеру, флора Северной Америки и Ирландии. Потому что пчёл туда завезли именно люди, которые, как ни странно это звучит, в ближайшей перспективе могут заменить некоторых насекомых...

Кто-то может спросить, а как это, а зачем это...? Есть же ещё растения, наравне с отравляющими пестицидами, и есть же ещё и все остальные, что опыляют эту оставшуюся не умерщвлённую до конца флору. Так зачем...?

Ну, просто с момента великих географических открытий в мире произошли немалые изменения. Выросло население, которое требовало всё больше не только зрелищ, но и больше хлеба... А пчёлам, как ни крути, мы обязаны 1/3 всего урожая. И потому Эйнштейн, как нельзя прав оказался в своём горестном предвидении: не будет пчёл, человечество лишится не только меда, но и пищи насущной...

И потому, пока пчёлы ещё трудятся в своих ульях денно и нощно, являясь, не в пример человеку, жуткими трудоголиками, летая по прежнему на пастбища, те самые луга и поля, где ещё растут цветы, лютики-ромашки, и там, перелетая с цветка на цветок, делают свою работу, а потом, дружно возвращаясь в свои жилища, не только в дупла, из которых Винни Пух с Пятачком мёд воровали, а и в те, что построили для них люди, назвав их ульями, а там, выкинув за шиворот и за дверь тех, кто хотел только лежать и ничего не делать, лишь развлекаться, что являются трутнями и среди людей, продолжали начатое на полях, и бережно распределяли собранный нектар по сотам, в которых он и превращался потом в так желаемый и любимый человеком мёд, этот человек, помня слова великого учёного и не забывая о своих деяниях, думал о той альтернативе, что поможет ему выживать и дальше, не оставшись без еды вовсе.

И собственно, давно уже придумал, потому что вторым потенциальным заменителем пчел после шмеля, предназначалось стать человеку... И вообще, это ни какое-то далёкое фантастическое будущее, потому что в Китае, где пчелы давно перевелись, лет двадцать, так, назад, по причине уже упомянутых пестицидов, опылителями являются не эти мохнатые в коричневую полосочку насекомые, а люди. Как всегда, дешёвая китайская рабочая сила вручную опыляет цветы. Неудобно, затратно, всё ж понятно, человек это – не пчела, крыльев и хобота не имеет, но, тем не менее, это работает...

А пока китайцы совершенствуют придуманный процесс опыления искусственным путём, на других просторах, люди, менее совершенные, просто примеряют костюм пчелы и изображают пасаку, что является их работой, за которую они, конечно же, получают заслуженную заработную плату.

Вот и Ося, Осип Лионович, что мечтал при советском строе, живя в столичном граде, о демократическом переустройстве своего государства, потому что много чего его не устраивало тогда, сейчас и давно уже трудился пчелой в Кузьминском парке на Юго-востоке своего родного города...

Вся его работа заключалась, в основном, в том, что он с самого утра, являясь на работу, опаздывать нельзя было, ни-ни, потому что начальником товарища Туринского был старый кэгебист с тридцатилетним стажем на старой службе, и ещё, как не уставал повторять сам Осип, азербайджанец по национальности, что подразумевало им же ослиную упёртость того, и потому пчела ровно в девять ноль-ноль уже в надетом полосатом костюме сидела за рабочим столом, как ученик за партой и ждала распоряжений от нелюбимого им осла.

Но это не была басня про осла, козла и мышку, и про мартышку, хотя чем-то и напоминала её, ибо был Осип Лионович из семьи музыкантов, но опять ни из тех, что затеяли сыграть квартет, это была банальная жизненная реальность и надо сказать, не лучшая, в которой кто-то уже лет десять всё изображал и изображал пчелу, а кто-то был начальником, хоть и не любимым.

Но что подделаешь, всем мил не будешь и потому товарищ Туринский, тоже денно и ночью, развлекал посетителей парка, проводя экскурсии по так называемому «Музею пчеловодства», рядом с которым расположилось nn-ое количество настоящих, не экспонируемых ульев. Но Осип, будучи человеком, не просто осторожным, а трусливым, всё ж в глаза начальнику ни разу так и не сказал, кем его считает, мёд из домиков таких же настоящих пчёл, как и их ульи, не собирал и потому надобности в надевании сетки пчеловода тоже не имел. Ибо опасаться, что те, полосатые угрюмые бестии, угрожающе жужжа, вылетят из своих домов и вцепятся ему своими жалами в морду, не было. И по сей причине работник музея, для правдоподобности своих рассказов из жизни пчёл, вынужден был носить полосатую майку и жёлтого цвета штаны, а на голову цеплять нечто подобие шапочки с усиками-антенками. Где пряталось его пчелиное жало, никто не знал, да и не предполагалось, что экскурсовод будет пугать детей, в окружении которых он вечно находился. В этом и заключалась та работа, а значит и жизнь этого ещё не пожилого человека, который просто мечтал жить при демократическом устройстве, в котором он думал всё будет, как в раю, но этот его рай, почему-то сконцентрировался исключительно на пасеке в Кузьминском парке на Юго-Востоке родного города Москвы мальчика Оси и всё же без наличия тех демократических свобод, учитывая факт имеющегося над Осипом главенствующего лица.

Тем не менее, упёртостью осла обладал не начальник товарища пчелы, а сама пчела, которая всё неустанно повторяла, что всё равно голосовала бы за того, кто этот рай демократический пообещал ей уже 25 назад, и плевать ей, пчеле полосатой, что не выполнил своего обещания кумир многих, похожих на Осипа, ну, или, во всяком случае, не до конца, а правильнее, ни для всех. Ибо райская жизнь всё же состоялась, но только у кучки тех, кто её и обещал всем остальным. А тем остальным только и осталось, что продолжить восторженно жужжать дальше, про то, что такое, хоть и не полученная, но обещанная демократия, которой не наблюдалось даже на пасеке, где исключительно жужжал давно подросший мальчик Ося.

А пока мальчик Ося не вырос и не стал той жужжащей, но больше брюзжащей пчелой, он воспитывался за кулисами Большого театра, где его отец не совсем понятно, какую роль исполнял, потому что в списках солистов оперных певцов и ведущих танцоров не значился, да, так и путал всю свою жизнь, по словам сына, Равеля с Гершвиным, что не мешало, однако полностью впитать маленькому Осипу ту атмосферу театральных клановых конфронтаций в борьбе за выезд за рубеж.

Тяжёлым грузом легла эта несправедливость из жизни советских людей на сердце ребёнка, невозможность поехать туда, куда хочется, эдакое, отсутствие свободы в своём выборе, которое он пронёс через всё, ставшее бременем для него, время социалистического строя, уже позже всё повторяя как мантру, одно и то же четверостишие:

«Свобода, свобода, так много, так мало,
Ты нам рассказала, какого мы рода,
Ни жизни, ни смерти, ни лжи не сдаешься,
Как небо под сердцем в тоске моей бьешься...»

Но это было потом, чтение стихов и тоска о несостоявшемся, или всё же произошедшем, а пока мальчик наслаждался иной славой, он был приближен к самой приме-балерине Майе Плисецкой, вернее, к её коленям...

В 1972-м году на сцене Большого театра вышла постановка балета «Анна Каренина», в которой Осипу посчастливилось сыграть и ни один раз, роль Серёжи, сына Анны, главной героини романа великого писателя Льва Толстого. И вот раз за разом он выбегал навстречу своей названной матери, утыкался плачущим личиком ей в колени, прощаясь с той навсегда, а потом точно так же раз за разом, рассказывал этот незабываемый эпизод из своей жизни.

Правда, был у Оси ещё и младший брат, который тоже претендовал на роль сына Анны-Плисецкой, и слово в слово повторял рассказы брата о цветах и шоколадке, которую каждый раз клала великая балерина в корзину, выносимую на сцену после окончания спектакля, а он всё думал, что это зрители так его любят. Но вот незадача, не смотря на некоторые расхождения и большие сходства в повествованиях братьев, всё же младший ну, никак не мог быть Серёжей на премьере балета, ибо только-только появился на свет в тот год, а сыну Карениной по содержанию было уже шесть лет. Но, тем не менее, всю свою сознательную жизнь так и соревновались братья друг с другом за место у колен великой балерины, за право обладания фотографией с её изображением и её автографом, с надписью «Моему сыну в жизни и на сцене» или «Моему любимому сыну от Майи Плисецкой», рассказывая одну и ту же историю, уже больше подходящую на небылицу.

Но и это осталось давно в прошлом, в том прошлом, когда получивший по возрасту право голосовать, выросший Осип отдал свой голос за того кумира, который пообещал ему и всем гражданам советской страны демократические свободы, которые светили запрещёнными раньше поездками за бугор, прилавками, полными продуктов питания и теми товарами, которые до сей поры из советских граждан, мало кто, видел, ну, только если в кино, сидя на заднем ряду и жадно впитывая каждый вдох той свободы, которой, на их взгляд, не было в Советском Союзе.

Ведь хотелось говорить, что думаешь, петь те песни, которые нравятся, писать и читать те стихи, которые отвечали твоим запросам, а тут... Запреты, запреты, кругом одни запреты... Нет джинсов, нет магнитофонов, нет бумажной колбасы с чизбургерами и гамбургерами, нет молока с антибиотиками и консервантами, нет жевательной резинки и смешных презервативов с усами или со вкусом клубники, и просто нет секса, правда, есть дети, и есть демография, но всё равно нет доступа к порно журналам, и такой же литературе, и просто – просто нет того счастья, что есть у них... Зато было кое-что другое, что оказалось совсем не нужным многим, и таким, как Осип, в первую очередь...

И вот, всё же успев прихватить из ненавистного советского строя, ни только бесплатное среднее образование, сдав полноценные выпускные экзамены, а не теперешнее ЕГЭ, поучившись ещё и в музыкальной школе, куда ж без этого, ведь отец 35 лет жизни отдал Большому Театру, да и сам Осип был непосредственным участником театральных спектаклей, успев получить и бесплатный диплом об окончании вуза, правда, в родной в столице юноша с печально поднятыми бровями, как на маске Арлекино, и тёмными вьющимися волосами не учился, а поехал в Калининград, где был на тот момент меньше конкурс на вступительных экзаменах, и уже позже вернулся обратно, для того, чтобы окончательно покончить со всем тем, что досталось ему за просто так. Правда, успел ещё не долгое время поработать в газете «Комсомольская правда» в отделе писем, ну, а, пото – оо – ом...

Потом Осип с гордостью рассказывал, как был на баррикадах, борясь за свободу, за новую западную демократию в своей стране, которой ему так до этого не хватало.

«Ну, 90-е, ну лихие, роковые. Что помнится? В нас стреляли, мы отвечали...» – важно докладывал уже пополневший и поседевший мужчина, хотя, глядя на его второй безвольный круглый подбородок, который являлся венцом всей его теперешней солидности, видя знакомые брови, что больше походили на сложенные в молитве руки Марии Магдалены, слабо верилось во все его истории с выстрелами и обороной, вообще, с трудом можно было представить себе этого трусоватого человека, который сходу менял своё мнение, словно флюгер на ветру, готовый в любой момент развернуть свои оглобли в выгодную для себя сторону, бьющегося где-то там, ещё и с оружием в руках, тем не менее, он продолжал: «В 90-м родился Илюха...»

Это его первенец, фотографию которого он потом с гордостью демонстрировал своим друзьям, но по причине, что шестилетний мальчуган был заснят рядом с известным всему миру Бабой, покойным олигархом Борисом Березовским, являвшимся, в общем-то непосредственным виновником того торжества, на котором присутствовал не только старший наследник Оси.

«В 91-м мы провели Конгресс за Европейское ядерное разоружение, а на следующий день начался ГКЧП. Потом было голодно и местами холодно...»

Но ему было нипочём. Уже ведь всюду дул ветер желанной свободы, а на самом деле, свирепствовал сильнейший ураган, уносящий с собой не только счастье уже бывших советских людей, а и всё, что было создано их руками, построенные фабрики и заводы, ещё в послевоенные годы, и те, что создавались позже, потому что все производства, а с ними и природные богатства не существующей уже страны, уезжали за границу, словно вольноотпущенники, чтобы приносить пользу другим людям, чтобы они могли пользоваться тем, что стало вдруг не нужным здешнему люду.

И наконец-то, ура, они путешествовали! Стояли всю ночь и утро за билетами в железнодорожную кассу, потом покупали международные в СФРЮ, затоваривались электробритвами, соковыжималками и прочей дребеденью, собирались ехать до Суботицы (это городок в нынешней Сербии), и вдруг там война.

Но не беда, ибо весну 98-го новые свежеиспечённые русские, отдавшие за свою свободу практически всю страну на откуп своих мечтаний, встречали уже в Амстердаме. 30 —го апреля того же года – день рождения какой-то королевы из чужого королевства, будто из сказки, но не из русской, а может быть братьев Гримм или Андерсена... Но всё равно, было шумно, пьяно, весело.

А летом уже дальше, словно в старой песне – «по секрету всему свету...» покатались на юга, в жаркий Израиль. Там же, став на минуту праведными христианскими паломниками, будучи, в основном, евреями по национальности, не забыли искупаться в священной реке Иордан, в той, в которой по преданию, крестили Христа, обеспечив себе, таким образом, не только святость Иисуса, но и беспрепятственное прохождение через врата в светлое Царство Божие... И, как полагалось, совершив обряд омовения, очищения, преодолели земные грехи и искушения, что позволило с чистым сердцем и такими же помыслами двинуться дальше, уже обратно, к себе, в обновлённую родину, где в воздухе теперь реяло не Красное знамя великой страны, украшенное золотым серпом и молотом, а веяло воздухом полученной свободы, от которой миллионы людей этой страны задыхались, почти, как от того бедственного положения, в котором почему-то оказались...

И всё же не почему-то, а потому что... Потому что в противовес обещанному, многие стали просто банальными нищими, потому что специалисты, учёные, которые, как и Осип – Пчёлка получили советское образование, что считалось лучшим в мире, уехали на Запад, теперь стало почти без разницы, где находиться, там или здесь, везде царили, так называемые демократические свободы, что звучало, почти, как равенство и братство бывших союзных республик... Но, только, оказавшись там, что почти здесь, или всё же чуть лучше, кто устроился, став уборщиками и официантами, а кто тоже пополнил ряды их бомжей и безработных... Ведь ни просто образованным, а знающим людям давно было известно, даже тем, кто не успел или не захотел покинуть родные пределы, тем, у которых великие для Оси имена ассоциировались с русскими словами «БАБА» и «ЕБН», что ведут там достойное существование единицы. А, если ещё не повезло родиться в семье миллионера, или просто стать богатым наследником своих родителей, то шансы твои не велики, получить то, чего достоин каждый человек на земле, но не каждый получает...

И потому нынешняя молодёжь бывшей советской державы получает образование под названием «тупой и ещё тупее», которое ещё и не для всех возможно, ибо деньги теперь

ни у всех есть. И пятидневная рабочая неделя, вместе с 8-ми часовым рабочим днём тоже канула в далёкое и ни очень, прошлое, ибо не успели несчастные советские люди оглянуться, как через 70 лет вновь оказались в царской России и опять с 12-часовым рабочим днём, без намёка на какую-то свободу, заняв привычное положение вечных рабов и холуев...

Вот и Ося, посчитавший теперь себя свободным, горько плакал, и публично признавался, что полученная им медаль правительства Москвы льгот-то никаких не даёт... А чего он хотел, этот свободный человек, являющийся на самом деле рабом не только своих желаний и потребностей ЖКТ...?

Да и почти как тогда, при неизменном царе Горохе стали люди вымирать, как мухи, ибо и квалифицированная медицина, как и образование, стала доступной только для толстого, пухлого кошелька, обладателями которого были несколько иные фигуранты состоявшихся событий.

То есть все стали свободны в своём праве выбора – можно умереть, если нет денег, а можно и украсть и не умереть, и выздороветь, но сесть за решётку. Можно выбрать между тупым и ещё тупее, и такая появилась тоже неплохая альтернатива прошлому.

Но, почему-то мало, кто радовался полученной такой свободе выбора, тому, что у горнила власти собралась кучка проворовавшихся бандитов во главе с авторитарным паханом, тем, давно канувшим в лету царём-батюшкой, про которого многие знали только из учебников истории.

А теперь он снова был на троне, и не на сказочном, а настоящем, в окружении демократов, приспешников того дяди, за которого голосовал юный тогда ещё Осип, получивший возможность раз в год скататься на дешёвый европейский курорт, пафосно посидеть в дорогом ресторане, заказав себе обед из трёх блюд, и заплатив за него несметные бабки, в размер зарплаты многих своих сограждан, при том, что, как в кино с Челентано, за окном дорожного, но всё же не высококлассного общепита может оказаться стоящая голодная девушка и умоляющим взглядом просящая накормить, только не аферистка, а настоящая бомжиха или нищая, та, что осталась без всего того, что не только обещали, но и того, что имела до полной разрухи.

А свободный в своём выборе Осип сможет, как и тогда, вновь ногами и руками принести присягу за демократию уже почившему и ныне прошедшему через те Светлые врата, о которых мечталось его соратникам во время купания и омовения, добавив к этому с гордостью, как с его конкурентом в правительственный бассейн, что раньше ему не доступен был, нахаживает, плюнув при этом и на ту девушку за окном, и на всех своих соотечественников, которые в том самом дерьме живут, на которое он вдруг стал сетовать, вот уже 25 лет существования желаемой кем-то демократии...

А той демократии, вот так сюрприз, нет, и никогда не было, ни в одной точке мира... Просто её убили ещё в зачатке чьей-то рождающейся утопии, а потом сказали, что так и было, просто вы не правильно трактовали понятие свободы слова и волеизъявления.

А ведь, как всё начиналось, до банальности просто...

Завоевали янки свою независимость, правда зачем-то отобрали её у всегда свободолюбивых индейцев, потом и у чернокожих, сделав их своим рабочим инструментом, короче, провозгласили ту пресловутую демократию, но захотели ещё лучшей жизни и возвели на жертвенный алтарь себе для поклонения жирненького такого тельца, обсыпали его золотой пылью, и начали молиться ему и только ему, став зависимыми от материальных благ, забыв про духовные. Европа не отставала в своём желании не только благоухать в благоденствии, но и в стремлении к обогащению.

Ну, а теперь, и весь мир, без исключения, охватило чувство немереной свободы, все по уши погрязли в пресловутой не существующей на самом деле демократии, каждый человек на планете Земля имеет право сделать первый или последний вдох, ведь это его право выбора, жить или умереть от голода. Его право на лучшее существование, которое никто не вправе отобрать, только вот не понятно, почему наравне с сытой якобы Америкой и такой же Европой существуют страны третьего мира, где каждую минуту, каждую секунду не рождается, а умирает ещё один свободный человек. Почему молодые люди в Соединённых Штатах, которым их правители сумели успешно внедрить в мозги чувство патриотизма и исключительности, идут не на свою войну, убивать ни в чём не повинных людей, а потом так и остаются в чужой для себя земле, а их родители получают похоронки и трупы своих почти малолетних детей в запаянных цинковых гробах, и всю оставшуюся жизнь клянут ту свободу, которая отобрала сыновей у их отцов и матерей. Такой ли демократии хотели американцы и европейцы, от чего могут гордиться всем тем, чего не было в жизни советских людей..?

Зато Осип Туринский, так жаждущий западного счастья, имеет теперь возможность надеть на себя костюм пчелы, майку в полоску и жёлтые штаны в обтяжку, и поучаствовать в другом спектакле жизни, совсем не в знаменитом балете «Анна Каренина», назвав про себя дающую руку своего начальника «кавказским ишаком», а потом втихаря, или на камеру снять с более чем значимой скульптуры, потому как раньше другие памятники ставились, той же пчелы, установленной в Кузьминском парке, спортивную форму своей любимой хоккейной команды, которую надели на каменное тельце какие-то шутники, и сохранить её себе на память, ибо другую память он и ему подобные оставили на плахе чьего-то безумного счастья, впившись зубами в рыхлую мякоть распятой на жертвенном алтаре туши золотого барана, взамен обретя своё счастье, потому что каждому, как всегда говорится, своё, выразившееся в неизменном статусе Пчёлки Оси.

Но спустя годы, Пчёлка Ося, Осип Лионович Туринский, не сумевший в своё время сопоставить стоимость одной пары ковбойских джинсов на заднице одного американского бомжа со всеми нашими природными и промышленными ресурсами, проданными за лёгкую ежесекундную демократическую эйфорию, по-прежнему, сидя за столом в «Музее пчеловодства» за чашкой чая, потому что с личными квадратными метрами у него, как-то не спрслось, несмотря на демократию, сам он проживал в квартире жены, а в той, что отцу выдали – таки при советах – его младший брат, ну, или второй названный сын великой балерины Майи Плисецкой, и вот, так сидя большее количество времени на рабочем месте, помня, что работа и труд всё перетрут, он способен только собеседнику в лицо зевать, даже не прикрывая ладошкой рот, потому что ему всё скучно, и точно так же он, видать, скучал, когда объясняли, что такое западная свобода и демократия, которая ярким пламенем распухла и нависла теперь над всем миром, и бывшая советская страна не стала исключением, зато на географическом

атласе вместо, «великой советской державы» с необъятными просторами, появилась теперь ещё одна страна третьего мира, каких теперь немало.

А Пчёлка Ося так и декламируют то четверостишие, ставшее давно мантрой, не только для него:

«Свобода, свобода, так много, так мало,
Ты нам рассказала, какого мы рода,
Ни жизни, ни смерти, ни лжи не сдаешься,
Как небо под сердцем в тоске моей бьешься...»

Но почему-то всё чаще приговаривая, что как-то время-то идёт, годы его уходят, а мы всё в дерьме сидим. Но ведь это то самое... То, за что он вроде на баррикадах сражался... Красивая свобода, называемая им, почему-то некрасиво, дерьмом... Как же так-то, Осип Лионович, который больше и давно уже просто Пчёлка Ося, сумевшая обидеться ещё и на то, что помощь его отцу материальную не выделил тот театр, в котором он... 35 лет... а потом инсульт... а потом... опаньки... и уже 2005-й год... и больше в любимый театр ни ногой... отрезало... тогда, когда в разгаре демократия и свобода... и можно только считать, что их дерьмо лучше нашего, просто менее дерьмовое.

И удивляться тому, что их, западный «прикид», ставший теперь нашим и родным, не жмёт некоторым местным демократам задницу и мозги. Но видно всё же – с первым, с размерчиком – таки промахнулись, а второго не было, и нет и в помине.

Иначе, чего это вдруг Осип Лионович Туринский почти в сорок лет вдруг превратился в просто Пчёлку Осю, являясь на самом деле, дешёвым дерьмовым борцом за дерьмовое дерьмократическое счастье, которого не наблюдается даже на его пасеке... Да и пчелы, давно во всём мире, не надо забывать, вымирают постепенно, поэтому на смену им приходят такие вот осипы, способные лишь то, что получили задарма – продать, проесть, пропить, проездить... Правда, какой мёд они смогут производить, это очень хороший вопрос, если такой же, как и то свободомслеизъявление, которое с его помощью устроили в бывшей советской стране, то вряд ли кто-то этот мёд есть станет. Дерьмо ведь, вкусным и сладким никогда не бывает...

Потому и частенько на пасеке, и около «Музея пчеловодства», слышится под аккомпанемент семиструнной гитары напеваемая кем-то тихо песня «Это сладкое слово свобода...»

И, если кто-то ещё сомневается в том, кто её исполнитель, то очень даже зря... Это пчёлка Ося всё жужжит и жужжит, а потом сама же и зевает, ибо ей всегда всё скучно было и есть, даже то, что проскучала и прозевала она, когда у неё же из-под носа, уводили самое главное – счастье человеческое, ибо краденое никогда твоим личным не станет, так и свобода чужая поперёк горла давно встала даже самой пчеле, от чего она уже не зевает, а всё икает и икает, но знакомо при этом не вежливо и широко рот открывает...

Маньяк

«А когда ты шагаешь по лесу с мандатом партийным,
Лес защищая, то ты не егерь, а просто бл#...»

В небольшом зале, стилизованном по «актовый», шло совещание. Собравшиеся обсуждали сохранность окружающей среды во всём мире, и в их стране, в частности. Экологические проблемы давно обрушились на одну из планет космического галактического пространства, и чтобы выжить, надо было что-то решать.

Уничтожение экологии на планете Земля могло привести к глобальной катастрофе, при которой население земного шара просто может исчезнуть, как и самой планеты больше не будет. Короче, как только не станет деревьев, которые сейчас массово вырубаются, исчезнут те природные ресурсы, которые человек, успешно со дня своего появления в этом мире, выкачивает из недр этой земли, иссохнут реки, моря и океаны, изгаженные отходами жизнедеятельности людей, переведутся птички и зверушки – хищные и травоядные, на которых люди устраивают одно сплошное сафари, нарушая во всём абсолютно природный баланс, то есть, ведя отстрел тех самых, что дают нам пить и есть и даже одеваться... Всё... На этом моменте настанет глухая мёртвая тишина.

И потому, не удивительно, что в самой середине этого помещения, стилизованном под актовый зал, на деревянном стуле, словно на последней еловой ветке, и будто случайно выжившая, последняя в этом лесу сова, раскачивался поэт по фамилии Меньженицкий и громко во весь голос завывал, напоминая при этом всем своим видом ухающего филина, периодически вскрикивая, пафосно хватаясь за голову двумя руками, и крича не «Пожар, люди, горим!», а «Только не серый гравий, только не серый гравий...» и снова продолжал свои качания на стуле, туда и обратно, горестного, отвергнутого, всеми поэта-отшельника.

Его переживания по поводу сохранности лесополосы этого парка, что находился в черте города, а надо сказать, что был поэт озабочен больше всех, и это сильно заметно бросалось в глаза, вызваны были тем, что жил он почти, что рядом с ним, почти с самого своего рождения, и его детские воспоминания походов в этот заповедник, называемый ласково так, по домашнему, «Сер Бор», всё не давали поэту покоя, но зато служили поводом для таких стенаний на тему серого гравия.

Эти его завывания выглядели сродни тем умельцам, кто сам и писал свои поэмы, и сам же их и читал, правда не известно, так же плакал ли Пушкин, и плакал ли так Лермонтов во время чтения своих произведений, история об этом умалчивает, зато хорошо известно, как поэтесса нашей современности Белла Ахмадулина, выходя на сцену, только произносила слово «ель», с желанием продекламировать свой очередной опус, и всё, дальше тебе слышалось только сплошное глухое завывание ветра, качающейся ели, о которой написала поэтесса в своём стихотворении, и ты не узнавал ничего путного, помимо той ели, что была покрыта густой зелёной хвоей...

Так и Меньженицкий, полностью подражая Белле Ахмадулиной, почти напевал псалмы на тему его любимого лесопарка, высокопарно произнося одну и ту же фразу, замутившую присутствующих в зале до боли в ушах – «Только не серый гравий, только не серый гравий...» что созвучно было с «Только не в терновый куст...» а следом, слышалось трагич-

ное, победоносное сморкание в вынутый из кармана носовой платок, отчего прибавлялось ещё больше шума от этого маленького человечка, бессловесного поэта, по фамилии Меньженицкий.

На самом же деле он не был таким уж бессловесным, этот поэт по фамилии Меньженицкий... Говорил Сергей Александрович часто и по делу, обращаясь исключительно к тому, кто имел непосредственное отношение к окружающей среде. Ну, к примеру, к тем людям, что не были коллегами поэта по работе с экологией, но зато тоже любили родной лесопарк Сергея Александровича и так сильно, так самозабвенно, что считали своим долгом, не только в выходные, но и в будни, расположиться на траве в центре этой лесополосы с одеялами и бутербродами и даже с шашлыками, смачно дезорируя окружающую среду запахом жарящегося мяса. И вот тут-то, снабжённый какой-то бумажкой, слабо напоминающей удостоверение егеря-общественника, и возникал за их спинами господин Меньженицкий с желанием поговорить с этими любителями природы на тему защиты окружающей среды. А так как такие возникновения из ниоткуда он практиковал довольно часто, всё же – его детский парк, его детские мечты и взрослые заботы, то и смотрелся он уже больше как маньяк, озабоченный своими проблемами, а не теми, которыми афишировал, громко крича на собрании одно и то же слово «гравий»...

А настоящая забота заключалась в том, что поэт Меньженицкий совмещал свою поэтическую деятельность и заботу об окружающей среде с членством в политической партии, имея за плечами высшее профессиональное образование и основное место работы и службы в нынешние, уже состоявшиеся времена, как он сам о себе говорил.

– Являюсь домохозяином...

Что под этим подразумевал сам хозяин этого термина, не до конца было понятно, потому что возраста, когда после трудовой деятельности остаются на повестке только заботы действительно о доме, ещё о детях и внуках, если таковые имеются, он ещё не достиг. Но, тем не менее, твёрдо стоял на своём, домохозяин и всё тут. Ну, что поделаешь, раз так хотелось этому человеку, которому до пенсии было ещё трубить и трубить, лет так-надцать, значит, так надо...

Короче, партию для своих благих, общественных дел подобрал Сергей Александрович с названием, что ближе было к природе и его чаяниям о сохранении окружающей среды, и называлась она, как-то очень хитро, по начальным буквам фамилий её предводителей, что выглядело, как «ГРУ-ша...». Короче, груша, и всё, что тут говорить, природа, она и есть природа в любых её проявлениях.

До конца не известно было, запал ли поэт только на это фруктовое, почти мичуринское селекционное название, в этом всё же, что-то было, или всё же проникся идеологией этой партийной ячейки, но как бы там ни было, членом их организации он стал, и продолжил громко плакать и сморкаться на темы своих проблем, не замечая, чем, в то же время, озабочены были его сопартийцы.

А те, не долго думая, впервые, в истории России включили права ЛГБТ (в том числе признание однополых семей) в свою официальную предвыборную программу, предложив программу своей партии, в которой ратовали вовсе не за сохранение той лесополосы, около

которой родился и вырос товарищ Меньженицкий, они предлагали гендерное равенство, но в том плане, чтобы не ущемлялись права геев и лесбиянок, чтобы те могли в открытую демонстрировать свою несколько оригинальную любовь к себе подобным, которая по большей части является, просто продажной, но и только на этом не останавливаться, а начинать усыновлять и удочерять чужих детей, принимая их в свою общину ЛГБТ, где уже смогут в открытую беспрепятственно сделать из них ещё одних гомосексуалистов и таких же подобию женского пола. То, что при таком раскладе, произойдёт тоже, что при уничтожении природной среды, то есть человечество перестанет существовать, поэт Меньженицкий, видно не знал и даже не догадывался, и потому продолжал вместе со всеми членами этой партии «ГРУша» и дальше пытаться воплотить свои идеи в жизнь под общей эгидой, названной «Уважение к человеку», звучащей, как-то двусмысленно, учитывая реальное содержание этих партийных агиток.

В общем, речи о гендерном равенстве, как о равных правах женщин и мужчин тут практически не шло.

Поэтому, в году так 2000-м к выборам в президенты этой страны, подогнали члены партии «ГРУша» своего кандидата, который полностью соответствовал их планам на жизнь...

Этот бывший советский диссидент был выперт из Советского Союза, и с почётом препровождён на Запад, где возмущённо, на весь мир, раскричался о том, что за подрывную деятельность, проводимую им против устоев государственного строя, его признали невменяемым и заставили лечиться в соответствующих заведениях, открыв, опять всему миру тайну о карательной психиатрии, которая стартанула, вообще-то, ещё во времена Викторианской Англии и успешно прошествовала через века и столетия, не делая исключения ни одному государственному строю, уж очень убедительными показались верховной элите, держащейся за власть, такие методы изъятия из общества негодных им, его членов. Вот и советский диссидент не стал исключением из этого общепринятого порядка, отправившись потом ещё и в места не столь отдалённые для отбывания дальнейшего наказания, когда не долечился, оказавшись столь непонятливым.

Ну, а пребывая уже в том Западном мире, на который всё уповал, находясь ещё у себя на Родине, и вовсе проникся их идеологией, что пришла на российские просторы гораздо позже, и занялся иными делами. Так как подрывать было больше нечего, вроде, те государственные устои его полностью устраивали, то стал он якобы для контроля над безопасностью порно сайтов, нещадно посещать их, выбирая исключительно детскую секс индустрию. Короче, пояснял потом старый жучилово, наличие у себя в доме, кучи записей, скачанных с этих нелегальных сайтов, тем, что проводил он анализ и следил за тем, чтобы кому не дозволено, не посещали... А уже позже, будучи пойманным местными спецслужбами и вовсе за руку, бывший советский диссидент дал иное пояснение – оказывается, это у него хобби такое, собирательство кассет с детской порнографией, правда, называемое ещё просто педофилией.

В общем, кандидатура этого любителя-педофила и была выдвинута на пост главы Российской Федерации и поддержана членами уже сформировавшейся к тому периоду фракции Зелёных, куда входил и поэтический защитник-лирик природы товарищ Меньженицкий.

Но на беду шанс заполучить такого отличного президента в нашей стране, любителя детской порнографии, неожиданно пресёк Центризбирком, не пропустив кандидатуру быв-

шего махрового диссидента, который ещё мог и выиграть на выборах, если бы постаралась «ГРУша» и ей подобные...

Так что, ещё не известно, на кого бы пал выбор большинства при голосовании – на педофила, который ко всему прочему, страдал ещё, как и многие политики, желающие поднять под себя всё, дешёвым популизмом, или уже на сегодняшнего, действующего руководителя страны, что хоть против засилья гомосексуальной пропаганды выступает.

Тем не менее Сергей Александрович, если ни в голосовании, но свой выбор сделал, поэтично и самозабвенно страдая из-за разрушения экологии, и в частности, того парка, где нельзя было класть серый гравий, вступив в партию «ГРУша», соблазнившись её названием, в котором от зелени, кустов и деревьев только-то и было, что три заглавные буквы от фамилий её предводителей.

А те предводители в действительности ратовали за равенство и братство в однополых партнёрских отношениях, выступая за проведение гей-парадов и гендерной уравниловки, причём на столько мощно, что весь интернет пестрел заголовками СМИ, похожими друг на друга, как братья — близнецы: Партия «ГРУша» неоднократно выступала за права ЛГБТ, «Молодежная ГРУша» провела пикет в защиту прав тех же, лесбиянок и гомосексуалистов, потом против каминг-аута активисты московской «Молодежной ГРУшы» провели серию... В интервью «НГ» основатель партии «ГРУша», тот самый с заглавной буквой «Г» своей фамилии, объяснил, для чего он... Ну и всё в том же духе.

Так, может, и правильно делали правители некоторых государств, когда неугодных их режиму граждан объявляли слабоумными, потому что только не вполне нормальный человек может согласиться с тем, чтобы полностью исчезнуть с лица земли, только, не как мамонты, не замёрзнуть, а просто взять и самоликвидироваться, потому что жизнь зарождается всё же от слияния двух клеток – мужской и женской, а не от мужчины и мужчины или от женщины и женщины. А так, человечество хоть, как-то худо-бедно, но до 21 века дотянуло.

Правда, все эти вещи не сильно волновали поэта Меньженицкого, ему важно было, чтобы серый гравий не положили на дорожках его любимого лесопарка, с душевным детским названием «СерБор»

И потому он, в прежнем ритме, сидя уже на другом заседании, ничем не отличающимся ото всех предыдущих, ну только, если статусными личностями, посетившими эту очередную экологическую сходку, раскачивался на своём неизменном стуле, сидя в неизменной позе последней, чудом выжившей совы, с уханьем филина, всё держась за голову и напевая, как в оперном спектакле, про то, что не надо сыпать серый гравий...

А на заднем фоне, и в самом деле, всё происходило, в стиле оперных песнопений...

Титулованные дамы-депутатши местного разлива, почему-то не желая ничего знать о гравии, вдруг заметив, что подоконники в этом зале, стилизованном под актовый, украшают многочисленные цветы в горшках-суккуленты, в народе называемые просто кактусами, бойко подхватились с места, тут же, где-то, раздобыли лейки и со словами «Цветочки же надо поливать...» кинулись к растениям, не терпящим влаги, обдавать их водой, словно слона из душа, оставляя на тарелочках огромные лужи, дабы обеспечить влагой

землю в цветочных горшках на будущее, уже до следующего их появления на ещё одном собрании с той же повесткой, защиты окружающей среды.

Здесь же рядом, надрывался ещё один радатель этого лесопарка, принадлежащего по праву, только поэту и только ему, но на другую тему... Исполняя свою партию, он периодически визгливо между словами про гравий, вставлял «О, Боже, Боже, ну, зачем нам эти конюшни...» имея ввиду пару лошадок, на которых катали детишек по СерБору, и возила свой зад, какая-то парковая охрана. Но, не смотря на защиту зелёных территорий от туристов—хулиганов, не только же егерю-Меньженицкому выполнять свои обязанности, изображать маньяка, радатель всё разорвался, и громко в голос, всё повторял, как заученный урок: «Уберите немедленно этот ипподром...». И тоже, как сова-Меньженицкий раскачивался туда и обратно, в такт своим словам...

А тот, что всё изображал маньяка, вышедшего на тропу войны с нарушителями порядка в лесополосе, пугая их своим депутатским удостоверением, тоже не отставал от остальных участников этого оперного спектакля, и был пуще прежнего, пытаюсь перекричать «лошадника», всё делая упор на красках:

– Сколько, сколько можно, – уже почти рыдал он, – тащить эту урбанистическую серость в наш СерБор, цвета нашего Бора, – при этих словах, опять двумя руками, помогая уже при этом себе ещё и правой ногой, поэт попытался навсегда покончить с растительностью на своей голове, и вырвать с корнем всё то, что там выросло с детства...

– Ведь цвета нашего бора совсем другие. – Уже не пел, а яростно всхлипывал он. – Гравий должен быть красный, он должен соответствовать цветам нашего Бора... – с нажимом, наконец, закончил он и тут же, находясь в полном в экстазе, почти упал на пол. Так полагалось по либретто, написанному им же самим.

Но в этот момент, в хоровое пение, больше напоминающее крик ненормальных, обездоленных пациентов, случайно оставшихся без помощи врача, вступила ещё одна фигура, та самая, посетившая их собрание солидность – сотрудник по благоустройству территории этого паркового объекта, на самом деле, просто уже не выдержавший истерических воплей Меньженицкого на одну и ту же тему серого гравия, который сухо и скептически, угрожающе чеканя каждое слово, произнёс и словно резюмировал.

– 50 оттенков серого...

Щегольнув в этот момент цветом жёлтой желчи, потому что, сказав про 50 оттенков серого, «статусный» имел ввиду, прогремевший на весь мир, порнографический фильм, показ которого даже запретили в странах с исламским вероисповеданием, и которому уже было плевать и на гравий, и на все его бесконечные цвета, и даже на странноватую идею Меньженицкого украсить дорожки в лесной зоне совершенно не естественным окрасом... На секунду он даже с удивлением подумал, где это поэт видел, в каком лесу, тропинки красного цвета, но потом плюнул и на это, ему просто очень хотелось свалить побыстрее домой, подальше ото всех этих неизменных обитателей сумасшедшего дома, с их незыблемыми устоями, стены которого, конечно же, ничем не отличались от общепринятых цветов такого рода заведений...

Но, будучи членом «ГРУши», Сергей Александрович вовсе не желал останавливаться на достигнутом, он хотел расти и эволюционировать и потому, он не только ревностно охранял деревья и кустарники своего родного лесопарка, он шагнул гораздо дальше и вместе с лидером молодёжной фракции под тем же фруктово-селекционным названием, устроил акцию протеста, но уже на Черноморском побережье, в Краснодарском крае, а не у себя дома.

Тут он уже протестовал не против неприглядного, не подходящего, на его взгляд, цвета гравия, а против незаконных построек великих мира сего, и потому, в рамках этой акции планировался проход мимо их поместий и виноградников, уточняя, мимо охраняемых силовиками территорий. За что, разумеется, все члены молодёжного звена партии «ГРУша», и были арестованы, и не только, судья наложил на только что протестовавших против незаконно построенных на Черноморском побережье дач VIP-персон, денежный штраф, а следом он же, мировой судья, вынес решение об аресте поэта Меньженицкого и предводителя молодых Зелёных на пять суток за то, что они, ко всему прочему, к своему походу туда и обратно, вдоль охраняемой силовиками территории, ещё и не подчинялись законным требованиям сотрудников милиции.

И всё это даже без учёта, что годом ранее эти активисты устроили пикник с костерком и теми самыми шашлычками, за которые ругал маньяк Меньжениций в родном лесопарке местных туристов, в противовес которым борцы за правое дело расположились не посреди леса, а прямо рядом с дачей какого-то высокопоставленного лица. Ну, и как следствие, после своей акционной прогулки по «украденному побережью» мимо палисадников, виноградников и прочих поместий vip-персон, эта четвёрка была арестована уже на длительные сроки.

Чего, конечно же, не выдержало страдальческое трепетное сердце поэта, и он, будучи в прошлом студентом литературного вуза, это сейчас он являлся лесозащитником и домохозяйном, он самолично отписался в какой-то газетёнке, зелёного окраса, конечно же, на тему своей несправедливой посадки.

Писал поэт о правовом беспределе, царящем в южных краях, в своём стиле, ухающей, удивительным образом выжившей совы, плача и рыдая над каждым своим выпестованным словом в печати, говоря о репрессивных воздействиях на арестованных, почти, как тот бывший советский диссидент-педофил, чуть не ставший президентом нашей страны, намекая на то, что всё это делается, с одной целью, отбить у активистов, и у него, товарища и егеря Меньжевицкого, в первую очередь, желание и в дальнейшем бороться с «дачным» беспределом.

Совсем позабыв, что не на отдых, вообще-то он прибыл вместе со своими сотоварищами на Черноморское побережье и не в санатории отдохнуть, всё сетовал Сергей Александрович на невыносимые условия содержания их под арестом.

Что-то рассказывал там, о том, как сначала провели они пять часов, стоя на ногах в отделении милиции, а хотелось, наверное, присесть, и не на стул или на табурет, а сразу упасть в мягкое кресло, ведь столько ходили они колонной туда и обратно, почти как на советской демонстрации в честь праздника труда, первого мая, только не мимо трибун с членами правительства, а мимо дач тех же, хоть и нынешних, но высокопоставленных лиц, а ножки их страшно устали, и очень хотелось отдохнуть, а тут, такая несправедливость, их заставили стоять и ещё пять часов кряду...

А потом уже в местном УВД они опять стояли «на ногах» (а как хотели, на руках...?) в так называемом «обезьяннике», целых 14 часов, – продолжал плакать и стенать товарищ Меньженицкий, в своей статье, будто та последняя сова, на последней ветке, в том единственном лесу, но в Краснодарском крае.

А камера то, по его словам, рассчитана была, ай-яй-яй, на 4 -х человек, а набили в неё, ай-яй-яй, аж, 19 задержанных. И вентиляции не было, а это же просто невыносимо в условиях духоты и высокой влажности, того южного климата, и царила там, ко всему прочему, вопиющая антисанитария.

А уже в постоянном месте их заключения, куда их определили на целых пять дней, назначенных судом, им даже не выдали постельных принадлежностей, будто они все скопом находились ни в купе спального вагона, а в плацкарте, пригравев поездом на этот морской южный курорт. И вообще, из-за переполненности камеры спать им приходилось по очереди, в камере снова отсутствовала вентиляция и царила невыносимая духота и смрад, и это опять, ай-яй-яй, в таком жутком климате. Просто недопустимо! Просто вопиющая несправедливость, что в КПЗ, но не в отеле же высшего разряда, ещё и в обилии водились так знакомые всем, почти домашние и даже ручные уже тараканы.

Тонкая, интеллигентная натура поэта – эколога, оказавшегося почти что в «Матросской Тишине», почему-то возмущалась против того, что арестованные, и он товарищ Меньженицкий, находящийся в их числе, вынужден был хранить свои столовые принадлежности и продукты питания возле унитаза, так как больше просто негде было их положить, там, вдоль каменной сырой стены не стояла привычно, коричневая матовая секция «Астор»...

А в камере не просто не было ванны с джакузи, как ему мечталось, когда он гордо вместе со своими соратниками-революционерами вышагивал по морскому побережью, и пытался заглянуть за «нелегальной» постройкой, высокий забор, тут отсутствовал даже кран с водой, и поэтому для умывания арестованные использовали смывное устройство унитаза. Ай-яй-яй...

Ну, и как в конце своего трагедийного опуса-повествования поэт-песенник и лесник написал: «Никто из арестованных даже не проходил предварительного медосмотра, поэтому вместе со здоровыми людьми в камеру помещали больных, в том числе с явными признаками туберкулеза и других инфекционных заболеваний, что создавало угрозу заражения всех содержащихся в одном месте».

Что выглядело, не смотря ни на что, как заказушная, профессионально состряпанная статья, в которой банально были притянуты за уши те факты, которых и быть не могло.

То, что всё это делалось намеренно, а именно, превращение содержания людей, ни в курортные условия, как полагалось, коли уж прибыли на юга, а в невыносимые, товарищ Меньженицкий был уверен просто на все сто. Он даже объявил голодовку против такого произвола правоохранительных органов, за что сходу с почётом был препровождён в одиночную камеру, где и продолжил голодать. В то время, как его друг, тот предводитель молодёжного звена, правой рукой которого был изолируемый теперь арестант от нормальных зеков, раньше срока вышел на свободу, подав апелляционную жалобу, и предоставив возможность поэту и дальше наслаждаться невыносимыми условиями, но уже в одиночестве.

Отмотав весь назначенный срок, пять дней, на полную катушку, тот вернулся обратно, к своему родному лесопарку, с милым, уютным, почти домашним, названием Сер Бор, где точно так же продолжил свою революционную деятельность. А, учитывая его род занятий, домохозяйство, и то, что практически поголовно, все революционеры и во все века, точно так же были безработными, товарищ Меньженицкий, их идейный соратник, просто чуть отошёл от общего правила, всё же работал, но только по дому, и потому, даже при таком раскладе, его голова всё равно оставалась свободна, что давало, и будет давать бесконечные поводы для его всё новых и новых революционных идей.

Хотя, чтобы быть защитником окружающей среды, для этого совсем не обязательно и в партию то вступать. Так что, что на самом деле руководило Сергеем Александровичем, так до конца и останется не известным. Да и те люди, которых поэт Меньженицкий притаскивал на свои митинги, собирая их из окрестных домов-многоэтажек, не состояли вместе с ним в «ГРУше». Собственно, вот об этих людях и можно было подумать, как о реальных радетелях Сер Бора, даже обвинив их в бескорыстии.

А, когда ты шагаешь по лесу с мандатом партийным и говоришь, что защищаешь, это странно смотрится, лесник, егерь, бл#... и ещё поэт и борец-одиночка, за спиной которого целый грушевый кагал... Потому и плачет Меньженицкий на собраниях, как заправский плакальщик на похоронах у своего почившего близкого родственника... Им же, плакальщикам, это свойственно, поплакать на людях, сморкнуться, удариться головой о стенку и пойти с улыбкой, даже не утирая слёз, дальше, с осознанием в душе, что всё, как надо... Работа у них такая, плакать...

Но, правда, не далеко уходил егерь и лесник, он привычно обращался только к тем людям, которые имели непосредственное отношение к его роду деятельности. Нет, ни к ведению домохозяйства, тут он и сам неплохо справлялся, а к тем, кто охранял, лелеял и пестовал его родной Сер Бор, и не к тем, кто классно, под пиво отдыхал на его зелёных, не испорченных ещё серым гравием, лужайках.

Остальных же в расчёт поэт не брал, что значит, просто игнорировал... Будучи интеллигентом по натуре, Сергей Александрович не считал нужным отвечать на какие-то вопросы, что не касались его очень важной общественной деятельности, даже вежливо заданные вопросы о погоде, от незнакомых людей, он по возможности, обходил стороной, ежели только речь не шла о погодных условиях в его любимом Сер Боре, будто весь метеорологический прогноз сосредоточился только там.

Вот в такие значимые для него отрезки времени, Меньженицкий с боевой готовностью, мог с кем угодно, долго и нудно распинаться на темы знакомого уже серого гравия, вырубки лесов и незаконных разведений костров, совсем позабыв, о том, как совсем недавно и сам жарил шашлыки в неполюженном месте.

В общем, называя вещи своими именами, плевал товарищ Меньженицкий на всех, как на знакомых людей, так и на незнакомых ему людей, обеспокоенный только серым гравием и кустами с елями и берёзками, совершенно не понимая, что игнорируя людей, он может запросто остаться и без деревьев... А, тем более, игнорируя незнакомых людей, ибо никогда не знаешь, чего от них ждать, гадости или всё же помощи.

И всё же для многих, так же разделяющих озабоченность Сергея Александровича уничтожением окружающей среды, люди оставались всё же предпочтительнее деревьев, за которыми многое можно не увидеть, и человека, в первую очередь...

А вот, что это может оказаться за человек, это уже совсем другой вопрос, это уже зависит от самого себя, что ты проглядел, или что не доглядел, и не сядешь ли вместе с кем-то на одну скамью, разделив одну камеру и одну участь, из-за своей недалёкости, потому что в голове на тот момент была только одна мысль, раздражающая своей неизменной устойчивостью «Ой, только не надо эту урбанистическую серость тащить в Сер Бор...» даже не зная, что есть ещё целых 50 оттенков серого, не говоря уже обо всех существующих бесконечных красках природы, что даровала нам всем жизнь, и которую, конечно же, надо беречь, чтобы и самим оставаться живыми и здоровыми, вдыхая полной грудью чистый, а не загаженный, воздух окружающей среды, источающей ароматы первозданности, не дезорируемые запахами жарящего шашлыка, а то, глядишь, и за твоей спиной неожиданно появится очередной маньяк и предъявит тебе свой партийный мандат, где будет написано, что ни егерь, он и не лесник, а просто бл#... маньяк он... Вот, он кто...

Незаконченный половой акт

В те незапамятные времена ЕГО знали таким:

Член КПСС со студенческой скамьи. Занимался чтением литературы, запрещённой в СССР. В 1980 был допрошен в КГБ и исключён из театрального ВУЗа. В восьмидесятых в апреле был арестован и год с небольшим провёл в Лефортовской тюрьме по обвинению в антисоветской пропаганде.

Ради своего освобождения ОН заложил около ста студентов ВУЗа, в том числе вообще, непричастных к его антисоветским «шалостям». Особенно отличился на суде над одним своим сокурсником, давая показания, которые и легли в основу приговора, вылившегося в 7 лет лагерей и 5 лет ссылки. Позднее, чтобы обелить себя в глазах оклеветанных и оговорённых им людей, ОН сочинил и стал распространять клеветническую легенду, будто бы стучал не он, а стучали на него, обвинив в доносе на себя студентов-однокурсников и с совершенно другого курса. В выборе жертв своей клеветы ОН был холодно-расчётлив, руководствовался тем, что в то время из всех жертв его доносов и оговоров фамилии некоторых молодых людей были особенно на слуху. Один из них к тому времени стал известным публичным и медийным журналистом, а имя второго стояло в афишах самых ярких театральных спектаклей тех лет, то есть было тоже публичным.

Но ЕГО ложь разоблачили как прямые участники и свидетели тех событий, вышедшие на свободу, так и известные диссиденты и правозащитники, получившие доступ к архивам КГБ.

Оказалось, что та пара сокурсников никак не могла «донести» на НЕГО, потому что из числа десятков других студенты допрашивались уже после ЕГО ареста. ОН просто пошёл на сделку со следствием и ради собственного освобождения написал покаянное письмо в КГБ, а вслед за тем и десятки доносов. На основании этих доносов в КГБ была устроена очная ставка... Попавшись на клевете и лжи, доносчик и провокатор, сдававший своих друзей, оклеветавший десятки непричастных студентов, пытался изворачиваться и юлить. Но, прижатый к стенке, рискуя подвергнуться судебным преследованиям за клевету, ОН был вынужден «подчистить» в сети свою лживую автобиографию, смягчив свою роль в этой истории с арестом, не уточнив, что на самом деле это не они донесли на него, а ОН на них, став жертвами ЕГО доноса. Однако эти «правки» никак не сказались на ЕГО весьма сомнительной репутации, запомнившегося студентам театрального вуза не талантливыми статьями о театре, а вызывающим эгоцентризмом, беспочвенной фанаберией, ни на чем не основанным высокомерием. И десятками доносов.

Дело прошлое, но эта липкая подленькая, хитро запущенная этим стукачком и провокатором ложь, всё же отразилась не только на дальнейшей судьбе его самого, но и ребят, которых Он так подло подставил, выгораживая свою гадкую натуру, названную ещё и ко всем прочему очень метко интеллектуальным бревном.

Прыткий и расчетливый, ОН написал заново свою историю, которая выглядела теперь так:

В 1980—1982 гг. работал почтальоном

В 1983—1988 гг. – лифтером

Осенью 1986 г. вместе с другими участвовал в создании одного из первых неформальных образований периода Перестройки.

В 1987—88гг. – один из лидеров Федерации социалистических общественных клубов.

В 1989—1991 гг. – обозреватель...

В 1988—1989 гг. один из лидеров...

Летом 1989 г. был одним из инициаторов...

В 1990—93 гг. – депутат... член... опять один из лидеров...

С весны 1992 г. – вновь обозреватель, но...

С марта 1993 г. работал экспертом...

С 1995 г. занимается главным образом политической публицистикой...

Работал старшим научным сотрудником, но непонятно, когда...

В ноябре 2001 г. выступил одним из инициаторов чего-то...

С апреля 2002 г. – директор Института, какого-то...

С апреля 2005 г. – ещё раз член...

Летом-осенью 2005 – один из организаторов... что-то опять организовывал...

С декабря 2005 – председатель, какой-то...

Вот, так коротко и ёмко... без особых уточнений и подробностей о деятельности на каждом поприще и в целом.

А в целом, тогда в те, далёкие советские времена из всех учащихся этого вуза только ОН был членом КПСС. Только один студент из всего института, даже не курса, одетый с иголочки, катавшийся как сыр в масле, разъезжавший по заграницам – и не по каким-то Болгариям, а по Англиям, получавший всё из рук советской власти, который решил поиграть в диссидентство, при этом, не отказываясь от тех многочисленных благ, которые ему давала советская власть и ранняя партийность. ОН не был Сахаровым или Марченко, первый – отказался от всего, второй – уникальный математик, сгнил в тюрьме. Это была банальная лицемерная карьеристская сволочь, – как говорили позже о НЁМ те, кто был непосредственно знаком с НИМ, – ничего не заработавшая в жизни собственным трудом, уверенная в своей безнаказанности и неуязвимости, считавшая, что игры в антисоветчину лично для него безобидны.

Но особенная гнусность этого избалованно-холёного эгоцентрика состояла в том, что он втянул в своё «баловство» многих ребят, которые в отличие от него, как вскоре выяснилось – стукача и предателя, впоследствии очень пострадали.

Оценив к четвёртому курсу все ЕГО бесконечные «человечьи прелести», знакомые и однокурсники стали относиться к нему с едва скрываемым презрением, чего ОН совсем не замечал, ни тогда и ни позже.

А вот его отец, который между тем, и сам понёс моральный и не только ущерб от деятельности собственного сына, относился к НЕМУ с пристрастием отца-обожателя, считая невинных виноватыми, со слов своего же отпрыска, и в тот период, будучи преподавателем в том же вузе, перестал здороваться с ребятами, всё превознося ЕГО, не желая слушать никаких сторонних объяснений. Любые попытки простым логическим путём доказать пожилому человеку, что ни от кого, кроме как от его сына, КГБ не мог узнать об этой истории, заканчивались фиаско... Как только кто-то пытался сказать профессору, что это ОН заложил всех – несчастный педагог сразу махал рукой и быстро удалялся по коридору, даже не слушая, и продолжая пристрастно верить в «святость» своего сына, хотя сам же лишён был в связи с этими событиями права преподавательской деятельности на долгие 10 лет, как и один из пострадавших студентов из-за этой клеветы всё не уставал повторять:

– Да, я из-за этой мрази не мог после вуза пять лет найти работу – так что, молчать, теперь, что ли?

Спустя годы, отец, всё же вернувшись на работу, уже больше не смог восстановиться полностью и вскоре умер, а его сын, успев жениться на жене своего друга, у которого ОН увёл её, вселился в квартиру родителей Ольги, находящейся в доме времён хрущёвской застройки, и следом все достижения новоиспечённого супруга упёрлись и ограничились объединенными квадратными метрами с соседними, расположенными на одной лестничной площадке, в результате чего семья обзавелась четырьмя малюсенькими комнатками на четверых. К тому времени у НЕГО родился сын Гоша и следом дочь Ирина.

Сам Геннадий Лазаревич занял угловой кабинет метров десять в ширину и длину, и тем был доволен, как и своей не только жизнью, но и деятельностью тех лет и, конечно же, сегодняшних дней в том числе.

Собственно, все его бесчисленные полёты, и не во сне, а наяву с одной общественной трибуны на другую, с предварительным взлётом в качестве лифтёра к последнему этажу с первого, с книжкой Маркузы и зачитанным до дыр «Капиталом» Маркса, наконец, увенчались приземлённой должностью директора исследовательского института, занимающегося вроде бы, мировыми социальными проблемами, на которую он сам же себя и назначил, устав рвать кепку словно Ильич, гремя одним единственным словом «амбивалентно» на всю страну...

Внешне Геннадий Лазаревич очень напоминал совсем не великого вождя мирового пролетариата, а мультяшного героя, были такие то ли тролли, то ли зверьки непонятные, с огромными носами, очень неуклюжие – папа, мама и сын... Правда позже он сменил имидж вместе с головным убором, и нацепил на лысину, нелепо расположившуюся где-то, то ли на затылке, то ли на темени, берет Че Гевары, забыв при этом погладить брюки и своё неиз-

менное кашемировое пальто, купленное в одной из своих знаменитых загранпоездок, будучи ещё диссидентом.

Да и контора, его, громко именуемая Институтом, больше напоминала знаменитую «шарашкину», в которой он значился главным, а сотрудников, находящихся в его подчинении, можно было запросто по пальцам пересчитать, размерами помещение вышла на порядок меньше его собственных квартирных полуметров, вернее, его тестя и жены.

Но тут же экономия средств, какая могла быть, почему только он не догадался об этом, но нормальным людям не совсем было понятно, для чего этот директор всё же «шарашкиной» конторы арендовал данное помещение из двух комнат, за которое выкладывал каждый месяц не хилую сумму, когда можно было спокойно, встав по утрам, надев халат и съев свой диабетический йогурт, Геннадий тщательно следил за своим здоровьем – не пил и не курил, открыть дверь и впустить внутрь в свой, хоть и небольшой кабинет, всех соратников по уму, а правильнее, по дегенератизму, ибо они не уступали шефу в потенциале мозговой деятельности, и начать свой рабочий день, который заключался обычно в ничегонеделании...

Ну, на худой конец, обсуждалась личная жизнь Бери, Ежова... ещё каких-нибудь известных революционеров, для колорита правда, иногда приплеталась фигура генералиссимуса Сталина. И всё это порою, когда не изучалась глобальная мировая проблематика социализма, называлось редакционной коллегий во главе с главредом Геннадием Лазаревичем Кирхинштейном. Потому что он, памятуя, как выпускал когда-то левой направленности газетёнку с названием, очень напоминающим известную всем со школьной скамьи «Искру», руководил теперь ещё и порталом, всё с тем же левосторонним уклоном.

Хотя, учитывая его безмерную любовь не только к самому себе, но и к шуточкам под названием «плоские», лучше бы издавал Геннадий Лазаревич журнал «Крокодил», в котором был бы ещё и главным героем.

Разумеется, основной его настольной книгой являлся не только «Капитал», но и этот юмористический журнал советских времён, это было понятно, и даже неоспоримо. Что означало одно, что это и была та литература, откуда он черпал свои многочисленные знания, заодно приправляя их своими, тоже бесконечными, байками. Да, он давно уже являлся главным персонажем любимого им «Крокодила», о чём многие не просто догадывались, а даже знали наверняка.

Странно, но, его любовь к самому себе, нечто нарциссизма, могла бы чем-то обуславливаться, ну, скажем, какими-то личностными качествами, но все они утыкались в те формулировки, обозначенные выше – мерзкий и отвратительный тип. Правда, можно было бы себя любить ещё за свои глубочайшие познания, но, опять-таки, исходя из того, что, они у него заканчивались на прочитанном раз десять, задом наперед «Капитале» и паре неомарксистов, а дальше у господина Кирхинштейна было все очень и очень плохо, потому что помимо автора Маркса он так и не прочитал никакой литературы за всю свою изумительную и замечательную жизнь, и означало это одно – тот самый обычный вакуум, который надо было бы чем-то заполнить.

Как, на простом бытовом примере, лубяная корзина стоит три рубля, но, если в нее положить грибы и ягоды, будет стоить гораздо дороже, и, как и пустой холодильник без внутреннего содержания имеет стоимость заводского товара, ибо продукты стоят немалых денег,

что сходу увеличивает стоимость этого холодильника. Значит, цена личности побывавшего руководителем и предводителем всего чего, выливалась в грош, а так как он очень и очень любил деньги, то тут, вообще-то, нечего было даже самому любить и обожать... Поэтому, конечно же, ему оставалось только уважать тех, кто всем этим все же обеспечен...

Что с трудом, но всё же получалось у бывшего диссидента и провокатора, но исключительно в тех случаях, когда на голубом небосводе, словно известная дразнилка, морковка для ослика, маячили зелёного цвета шелестящие бумажки, весело развевающиеся по ветру. Вот тогда, товарищ Кирхинштейн готов был даже на предложение не «Капитал» десять раз прочитать, а подставить любому свой зад, страшно измученный геморроем, да, так, что бы отымели его те самые десять раз, но зато в результате, включив как всегда, свою обычную беспринципность, отговорив или наболтав на диктофон и в камеру то, что нашептали, за или против, не важно что, он каждый раз получал заслуженное вознаграждение, и, поклонившись, вспомнив молодость и годы своей учёбы, пройденное актёрское мастерство, сходу представив себя на сценической площадке, на которой так и не побывал, Геннадий хватал в зубы выданное пособие и улепётывал к себе на мягкий диван, ещё живо помня жёсткое деревянное сидение, на котором он и заработал свой нелюбезный недуг сзади.

Как и раньше ему казалось, что все окружающие уважают его таланты, хотя давно многим было ясно, что он обычный летун. И что и теперь продолжает в том же духе, но только уже по несколько иной причине, просто никто особо не хотел иметь с ним дела.

Но самое смешное и интересное заключалось в том, что он так и не замечал истинного отношения к себе окружающих... А те, не только его бывшие товарищи по факультету, которых он в своё время сдавал пачками, не сомневаясь и не сожалея ни минуты, с той же неприкрытой насмешкой взирали на знаменитого директора института только с громким названием, и даже журналисты, берущие у него интервью, а потом делающие такие фото, на которых фотогеничная внешность Геннадия Лазаревича смотрелась без каких-либо прикрас, всё уродство натуры этого лицемера выпячивалось сквозь черно-белый кадр. И всем становилось понятно, с какой любовью щёлкали затворы камер с нужного ракурса, как и достаточно было быть в курсе того, чего желал его коллега из другой компании... Да просто, взять и расстрелять из маузера эту личность, которая во время общих совещаний сидела и всё тщательно записывала в свой блокнотик, но ровно через секунду абсолютно всё, без исключения, выветривалось не только из головы этой великой личности.

А молодой сорокалетний Сидоркин Иван Игоревич каждый раз думал про себя, наблюдая за происходящим: «... Господи, да, если он такой имбецил, то обзавёлся бы уже ни одним, а двумя-тремя такими блокнотиками, да и то, вряд ли это поможет ему, ибо у этого известного на всю страну лгуна никогда не было желания что-либо в этой жизни делать, кроме как изображать из себя Остапа Бендера...»

И тут же следом, глядя исподлобья на уже не известно, какой по счёту банан, который Лазаревич ловко обеими руками засовывал себе в рот, а потом быстро и тщательно пережёвывал, чтобы успеть съесть как можно больше, продолжал размышлять, так ничего и, не произнеся вслух:

«... но как все счастливо закончилось у великого комбинатора, тоже всем хорошо известно, и это никакое не утрирование, это правда жизни, как бы кому—то не хотелось в это не верить... Но знает ли об этом Кирхинштейн? Хороший вопрос...»

Ещё с минуту пристально поразглядывав Геннадия Лазаревича, прищурился при этом, почему-то левый, не правый, глаз, по чистому совпадению в соответствии с идеологией того, будто всё же решился на расстрел надоевшего элемента, и уже прицельно смотрел, выискивая то место, куда попадёт со смаком выпущенная пуля из представляемого им маузера, уже даже мысленно нажимая на курок, молодой сотрудник увидел нечто странное, то, что раньше никогда не замечал – плечи профессионального диссидента давно округлились и настолько, что он казался намного ниже ростом. А голова и вовсе выглядывала, откуда-то изнутри его неказистого туловища. Глаза полуприкрыли опущенные треугольником дряблые веки, под которыми пролегли такие вспухшие мешки, что не знай Сидоркин о том, что Лазаревич не употребляет, подумал бы, что тот уже какую неделю не просыхает.

«Как это он раньше всего этого не заметил, – удивился опять про себя молодой сорокалетний мужчина, – и кожа на лице такого не естественного мертвенно-белого цвета, словно предсмертная маска, больше напоминает мучного червя. Да и сам он выглядит, каким-то мало здоровым» – все эти мысли вихрем пронеслись в голове у Ивана Игоревича, и тут же он вспомнил, не смотря на вечно молодящегося, не одевающего очки при чтении деловых бумаг коллегу, что тот давно не молод, что женат и что при детях, и подумал, что зачем-то вечно ищет утешения на стороне, на той, всё не привычно для центриста левой...

Перед глазами промелькнула соблазнительная женская фигурка, последняя пассия Геннадия и даже всплыл в памяти недавний скандал в связи с ней.

«Но она же, кажется, младше меня, эта Мила, так насколько же тогда она моложе жующего почти перед самым моим носом теперь уже и пряник, этого обжоры? – ещё внимательнее присмотревшись к Лазаревичу, задал сам себе вопрос Ваня, но, так и не сумев ответить на него, вздохнул, переместил своё грузное тело в кресле вправо и на этом успокоился, тем более, что совещание подошло концу и больше не было поводов для расстрела надоевшего противника, сутулая спина которого уже маячила, где-то в дверном проёме, торопясь покинуть душное помещение, в котором на столе в вазочке оставалась только дырка от последнего бублика, что он успел помимо всего прочего засунуть себе в рот и даже проглотить, не запивая.

Да, Мила и впрямь была гораздо моложе Лазаревича. И да, у него действительно было двое детей, а дочь ненамного младше выбранной им новой дамы для очередного флирта. Потому что жена этого знаменитого директора, которая составляла ему точную пару его обуви, не важно с какой стороны, с левой или правой, ибо не только имела любовников, но и разделяла принципы своего мужа, а правильнее, его абсолютную беспринципность, давно почти не обращала внимания на своего супруга, её даже раздражало его любимое извечное кашемировое пальто интеллигента, пахнущее почему-то жареными куриными крылышками, о чём она, не стесняясь говорила их общим знакомым, рассказывая как по вечерам дражайшая половина присаживается во всей верхней одежде к ней на край кровати, дабы обсудить ещё имеющиеся какие-то общие дела.

Что ещё надо было этой паре для полного супружеского счастья не совсем было ясно, но, тем не менее, они развлекались по разные стороны одной баррикады, вдвали от супружеского гнездышка, и каждый на своём или всё же на одном поле, как становилось понятно. А потом встречались либо в соцсетях и там тоже решали свои домашние дела у всех на глазах и прилюдно, или всё же дома с криками и воплями, означающими всё же наличествующие кое-какие расхождения в приоритетах.

Но светлого ума этого марксиста и теперь неомарксиста, а попросту представителя пятой колонны при любом режиме, хватало на неприкрытое удивление и даже тихое молчаливое возмущение, на которое он только и был способен, при встрече незнакомой девушки, которая как-то по утру выпала из комнаты его Гоши, и гордо вскинув всклоченную голову, молча прошествовала мимо опешившего главы этого благородного семейства, даже не сказав тому «здрасьте»... А он, тем временем, влипнув в стенку, с наклеенными обоями в рыжий цветочек, только и смог, что поднести руку к лысине на теме или затылке, почесать в ней указательным пальцем и попытаться вспомнить, какая же по счёту за этот месяц посетившая его сына девушка проснулась в их квартире, уже про то, как её зовут речи вообще, не могло даже идти и нечего было зря напрягать свою память, в которой только давно и прочно сидели одни идеи Маркса и Энгельса.

Но что, всё же больше всего заботило и расстраивало Лазаревича в данной ситуации, что встречи эти его с этими новыми гостями, как правило, проходили под утро, а ночью его сын и его очередная пассия опустошали, почти, как он сам вазочку с фруктами в чужом офисе, холодильник... А там ко всему остальному хранились его диетические продукты, заботливо расставленные им самим на полочках. А тут, откуда ни возьмись, словно полчища голодной саранчи, налетал Гоша и его отряд совершенно незнакомых девушек, что угрожало здоровью самого хозяина дома, то есть имелась вероятность остаться не только без диетического питания, а без еды вовсе.

Сын Гоша, возраст которого приближался уже к тридцати, был таким же, оболтусом, как и его отец, но тот хотя бы профессионально изображал Че Гевару или Ульянова, видно учёба в ВУЗе с нужным уклоном сказала, его потомок и на это оказался не способен, и только полностью и прочно сумел закрепиться на ещё и большой остеохондрозом шее собственного предка, за счёт которого жил-поживал, правда, добра не наживал, а пользовался дарами деда с бабкой со стороны своей матери.

Видно, интеллигентная натура старого диссидента и здесь победила, и он молча глотал такого рода пилюли от собственного отпрыска, который всегда, ещё с малых лет был живым свидетелем не только скандалов матери с отцом, но и их фривольной семейной жизни.

Дочь Ира, несмотря на то, что отец ратовал за здоровый образ жизни, но видно, только за свой, будучи прожжённым эгоцентристом по натуре, курила уже лет с одиннадцати...

Лёжа на диване в короткой майке, не доходящей до оголённого пупка и в трусиках, почему – то называемыми шортами, перед телевизором в своей комнате, щёлкая пультом, зажатым в руке, измазанной шоколадкой, с канала на канал, и часто в ожидании, когда её любимый папочка по пути домой забежит в киоск и купит ей пачку «Мальборо», свои отечественные она не курила, предпочитая, как и её отец в молодости, всё импортное, а по громким приказным крикам матери в телефонную трубку, доносящимся из кухни, знала, что ему велено ещё и в местный гастроном зайти.

Вот так они и жили и совсем не тужили. Книжек никто не читал, только Ольга, став научным сотрудником и всегда всем представляющаяся только так:

«Я – жена Геннадия Лазаревича Кирхинштейна, вон того, видите, что за столом президиума сейчас сидит», – потому что не захотела в своё время оказаться в тени своего известного мужа и на всякий случай осталась при своей девичьей фамилии...

А тот на самом деле – да, сидел, да за столом и да, в президиуме, но занимался тем, что считал ворон на потолке, периодически делая вид, что слушает докладчика, с нетерпением ожидая, когда же тот закончит. И изредка громко глотал воду, налитую из стеклянного кувшина в гранёный почему-то стакан, как будто это у него пересохло горло и словно это он сейчас ведёт речь о положении рабочего класса во всём мире, о чём давно сказал уже и Маркс, и Энгельс. И о чём тоже давно, правда гораздо позже, прочитал и сам марксист и неомарксист в одном лице Лазаревича, но видно этого оказалось кому-то не достаточно...

Переводя взгляд с потолка на булькающую жидкость, переливающуюся в прозрачном сосуде газовыми пузырьками, живо представлял себя в той «чегеваровской» береточке, будто, это он, а не лектор стоял сейчас на трибуне и привычно произносил заученные слова и фразы, давно примкнув к тем, нередким в нашей жизни болтунам, что за свои умные речи о ценностях, правда, до конца не понятно, какие такие ценности, получают деньги по всему миру, на которые купят потом себе новый автомобиль, сядут в него и поедут дальше болтать и зарабатывать уже на следующую модель «джипа».

А некоторые из этой череды ораторов и лекторов всё же настолько устали болтать, почти напрочь выдохшись, что уже и не замечают, как давно несут одно и то же, и уже из года в год, не меняя даже не то, что риторики, и терминов, выработанных чуть не пару веков назад, и заработав на этом славу, а и постановки их в предложениях.

Как на одном из своих выступлений в который раз распинался на одну и ту же тему всё тот же неутомимый, по сравнению с другими, товарищ Кирхинштейн.

– Нам важно менять что-то в самом обществе. Ведь мы, господа, всё время говорим о традициях соборности и коллективизма, – особенно часто употребляя и подчёркивая значимость этих двух слов – «соборность и коллективизм», всё вещал борец за права пролетариата, и тут же, почти не останавливаясь, и не переводя дыхание, продолжил.

– Но дело в том, уважаемые коллеги, что наше общество самое разобщённое в мире, – в который раз уже произнёс великий, но не состоявшийся актёр, но теперь политик, почти как у американцев их Рейган, и заезженно понёс дальше:

– — Что значит, что за 25 лет неолиберализма (ещё одно его любимое словечко, без которого он ну, никуда и никогда) в России мы превратились в общество индивидуалистов без чувства собственного достоинства...

О каком чувстве достоинства говорил только что этот спикер и действительно, индивидуалист, что подразумевает, в его случае, безграничный эгоизм, которой так горячо и повсеместно вещал одно и то же и не просто так, а за деньги, вообще, мало, кому было понятно, особенно тем, кто хорошо был знаком даже и с переписанной самим же диссидентом биографией о своих славных подвигах.

Они лишь не уставали всё поражаться одному – как заскоруждые полозья этих разваливающихся на ходу саней до сих пор не стёрлись, в которые ловко залез Лазаревич, прочно уселся в них, удобно развалившись, и покатился, только не в гору, как ему самому казалось, а давно уж под гору... Потому что не все имели его за умника, и не все видели его в первый раз...

Да и вообще, мало сейчас кто в обществе умных людей удивлялся славе глупцов, потому что такие же глупцы и нацепили на этих болтунов лавровый венок и спели им не один дифирамб, по сути, в свою же честь.

Но всё же, главным и основным показателем отсутствия ума у этого бывшего студента театрального института, о чём ни раз свидетельствовали его однокурсники ещё в те далёкие и для кого-то ставшими культовыми, являлось то, что он, вроде, имея какую-никакую славу обладателя актёрского мастерства, так и остаётся до сих пор оборванцем, с готовностью взлетающим как 20 лет назад, будучи ещё молодым, на любую трибуну, куда позвали, и как Ильич, размахивающий кепкой, машет своим «амбивалентно», не гнушаясь никаким заработком, вместо того, чтобы в свои 57 уже сидеть в уютном отдельном кабинете, а не в «хрущёбе», составленной из двух квартир, всё достижение жизни, и не его, и строчить научные труды, уже сделав себе имя, то есть, просто получая дивиденды от своих инвестиций в самого себя... а не работая, будто клерком в том же банке, являясь, по сути, шестеркой на жизненном и не своём, а чужом Олимпе славы... как ни крути.

И поэтому давно постаревшему и утратившему былой задор Геннадию, правда, он этого упорно не хотел замечать, не то, что признавать, ничего не оставалось, как пытаться ещё очаровать молоденьких женщин, которым хоть на время, пока они лежали в кровати в гостиничном номере, он успевал наплести с пол короба о своих прежних подвигах, что-то придумать о теперешних достижениях... Короче, всех многочисленных историй его похождений, в которых не было почти ни толики правды, хватало месяца на три-четыре, чтобы заодно удовлетворить свои половые потребности, которым не потворствовала больше его Ольга, у неё были свои предпочтения, а так как достаточно взрослой женщине не получалось доказать свою несуществующую порядочность, то Лазаревич плюнул на свой возраст и выбирал себе девушек помоложе, у которых матери были его ровесницами.

В общем, только так он мог теперь жить полноценной жизнью женатого мужчины, имея на стороне временную жену.

Но Мила, хоть была и молода, но оказалась достаточно прозорлива, в сравнении с остальными «временщицами» пролетария—интеллигента, и довольно быстро раскусила всю сущность этого сутулого, годящегося ей в отцы мужчины, давно называя его про себя облезлым козлом с плешинной, не пойми где, то ли на затылке, то ли не теме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.